

РУССКІЕ
НОВЫЯ
И
РАЗСКАЗЫ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

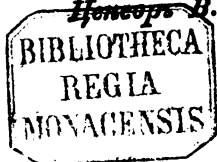
САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1832,
ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлены были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

Санктпетербургъ, 11 Октября 1832 года.

Цензоръ В. Семеновъ.

Ш А В В Д Ы.

ПОВѢСТЬ 1613 ГОДА.

Посвящена Ивану Петровичу Жукову.

Г Л А В А I.

Въ полѣ внишъ удадой!
Жеребецъ играешъ лютой;
Съ нешершнѣя соколъ пвой
Рвешъ серебряныя пущы.
Рѣшъ лань въ шнѣи елей:
Смычъ собакъ, сѣдай коней!

На правомъ берегу Великой, выше замка Опочки, поля охотниковъ расположилась на опчдахъ. Вечеряющій день раскидывалъ шапромъ шнѣи дубравы, и поляна благоухала недавно скошеннымъ сѣномъ, хопя эпо было уже въ исходѣ Августа: смущное положеніе Руси нарушало тогда порядокъ всѣхъ работъ сельскихъ. Спреноженные кони, помахивая гривами и хвостами опъ удовольствію, наслись благопріобрѣщеннымъ сѣномъ, но они были не разсѣданы и, кажешся, не сполько для предоспорожности опъ запалу, какъ изъ болзни нападенія со стороны Липвы. Въ шоркахъ, на нѣкопорыхъ, висѣли зайцы, лисицы,

куропашки, цапли — знакъ удачной охоты и съ шѣмъ вмѣстѣ доказательство, что повѣздъ остановился путь не нонлегомъ. Иные охотники кормили соколовъ, посвисывая и взбрасывая ихъ на воздухъ при каждомъ кусочкѣ; другіе снимали кожу съ заправленныхъ звѣрковъ, но большая часть лежала или сидѣла у кашеварнаго огня, между шѣмъ какъ собаки, сомкнушыя и сосворенныя по-двойно, голоднымъ шеноромъ зашягивали пѣсно нешерпѣнія, копорая заключалась обыкновенно громкимъ ударомъ арапника. Народу было болѣе сопни, но по осанкѣ и одеждѣ, равно какъ на самомъ дѣлѣ, шолпа дѣлилась на два особые круга. Всѣ первые были въ одинаковыхъ бараньихъ шапкахъ, съ краснымъ верхомъ, и почти въ однообразныхъ полукафшаньяхъ. Черезъ плечо у каждаго висѣлъ рогъ съ порохомъ и лядунка для пуль. Самопалы ихъ съ копейцами, вмѣсто сошекъ, соспавлены были въ козлы, съ нависшими на приклады финилями. Между ними замѣтно было болѣе порядка, болѣе важности: они съ нѣкошорою гордо-стію посмашривали на своихъ спутниковъ — это были спрѣльцы.

Другая половина опличалась песпрошой нарядовъ и разгульными ухващками — шо была дворня: конюшенные, сокольники, ловчие, писари, челядинцы — кшо въ казацкой куршкѣ, кшо въ Тапарскомъ бешметѣ, кшо въ Польскомъ коншупѣ, кшо въ Русскомъ льпникѣ — въ обноскахъ разныхъ господъ и разныхъ порѣ: живая льпопись мнѣній и споронѣ, къ коимъ попеременно приспавали Бояре. — Они толпились, бродили кругомъ, шумѣли, спорили, заигрывали другъ съ другомъ, между пѣмъ, какъ настоящіе слуги чинно укладывали кушанья на блюда, принимая ихъ еще приспѣшниковъ, и носили къ двумъ Боярамъ, кошпорые ужинали на разскинушомъ подѣ березою коврѣ. Браная, ш. е. расшипая шелками и унизанная мелкимъ жемчугомъ по краямъ скашперль, лежала между ними и на ней серебряныя ложки, пакая же солонка, очень хипро сдѣланная ушючкой, да фляга и перечница — необходимое условіе спаринныхъ обѣдовъ. — Одинъ изъ нихъ казался очень молодъ; румяное, ошкрышное лице его выражало вмѣстѣ добродушіе и ошкровенность; но черныя, сверкающія очи обличали пыкія спрасши;

успа смыкались порой насмѣшливою улыбкою, и высокія брови выражали привычку власпи и опваги. Другой былъ лѣтъ за тридцать слишкомъ, необыкновенно дороденъ и веселаго лица. Онъ ѣлъ и пилъ, и говорилъ неупомимо; рушилъ дичину, подливалъ вина, подчивалъ и хозяйничалъ, не забывал себя.

— «Здоровье Царскаго Величества, нашего поваго Государя Михайла Ѳедоровича!» молвилъ онъ, поднимая кубокъ выше головы.

— «Много лѣтъ благоденствовашъ!» сказалъ молодой Бояринъ — и оба выпили духомъ.

«Хорошо вино, хорошо и задравье,» прибавилъ послѣдній: имя добраго Царя не поперхнешся въ горлъ. Не то было при Иванѣ Васильевичѣ, когда наши спарики глопали малвазію за споломъ Государевымъ, морщась, будшо съ горькой полыни, и здравсировали ему, шупая, шупъ ли уши!»

— «Да, да, произнесъ первый, я самъ видѣлъ своего роденьку, боярина Типова, надъ копорымъ изволилъ подшунить Грозный за обѣдомъ: окарналъ ему ухо собсшвенною рукою. Сказываюшъ, что Типовъ билъ челомъ за милость, за Царское пожалованье; только меж-

ду своими онъ пѣлъ другую пѣсню, шакъ чпо
брашья запыкали уши и замирали со спраху
спавни.»

« Не держали спавни и запоры онъ слова
и дѣла, да проклятой Опричины: тогда былъ
бы навѣнъ — опѣвша пылкой добыюся.
Помню я, дядя Огаревъ, какъ меня бывало ре-
бенкомъ путивали: не плачь, Спепанъ — Оприч-
никъ съѣсть!« — И они впрямь были людо-
ѣды по звѣрской душѣ своей. Народъ, какъ
дождь, разсыпался, завидя черную шафю, и
жупцы покидали незапершыя лавки. Какъ пы-
ни лакомъ, дядя Наумъ, до бездравной чары, а
и у шебя, чай, оппала бы охонта съ нею ми-
лованься, видя, какъ жарянтъ товарищей на
угольяхъ, или пускаюнтъ въ народъ медвѣдей
для пошѣхи, среди Кремля бѣлокаменнаго.»

— « Иное время, иное бремя, Князь Спепанъ.
Грозный опбилъ власпъ у Хановъ, и цѣли-
комъ переложилъ ее на насъ со всею Татар-
щиною. Онъ былъ злой человекъ, проспн Го-
сподь его душу; а умный Царь: Москва дро-
жала, Князья и Бояре ползали въ униженіи; за
то сосѣди уважали насъ, и Русь была тиха!»

« О! ниже правы и пише воды, пише спеп-

ной могилы послѣ Батыева нашествія! Куда велика радость Русскому, что сосѣди ему кланялись, когда всякой Опричникъ пощипалъ его подъ ноги; когда доброе имя и добромъ нажитое имѣніе зависѣло отъ перваго донощика; когда душа въ пыль и жена въ постыль принадлежали слугамъ дворскимъ! Желаю знать, утѣшна ли бы была сорока тысячамъ Новгородцевъ, умирающихъ подъ долбнею, слыша погудку, что это побоище будетъ на вѣсь какъ полезно ихъ внукамъ?»

— » Дѣло ужасное: грѣхъ и воспоминашь, не то что оправдываешь; а все таки Царь Иванъ Русской кровью спаялъ Русское Царство. «

» Скажи лучше: — онъ сломалъ спиры, жала черезъ чуръ крѣпко связалъ ихъ! Если бы не сильная рука Бориса — наша Русь прежде Самозванцевъ распалась бы, какъ бочка безъ обручей. Чуть не спало его, набѣжало Царей дюжинами — и давай играешь короною, какъ мячемъ. Кипо присягнешь Тушинскому вору, кипо кричишь: подавай намъ Шведскаго Королевича; пѣ зовушь Владислава, — другіе ждуть самого Жигимонша — а все помни Царя Ивана — онъ набилъ всѣмъ оскомину. Счастіе

наше, что у всехъ Русскихъ одинъ языкъ, одна вѣра православная!... долго у насъ не было головы — но всегда было сердце — и въ немъ любовь къ отечеству: она-то побѣдила искусство и силу и храбрость непріятелей — слава Богу и Князю Пожарскому! Теперь ужъ не спанутъ враги издѣваясь среди нашей столицы, не спанутъ господа хозяйничать — теперь мы избрали себѣ Царя по мыслямъ и кунцу, и чернецу, и доброму молодцу. Да здравствуетъ родъ Романовыхъ въ годы годовъ и въ роды родовъ!»

— »Да здравствуетъ въ честномъ мирѣ и на радномъ пирѣ!»

»Увидишь самъ, дядя Огаревъ, что Царь Михайлъ спеленаетъ Русь любовью гораздо крѣпче, нежели Грозный спрахами!»

— »Говорятъ, молодой Царь — такой добрый, привѣтливый!»

»Спроси у меня — что такое солнышко! Бывало безъ аршинной бороды и не выглядывай изъ-за Думныхъ Бояръ, а теперь Государь всякому найдетъ словечко: спарому и малому — а говоритъ, словно райской пшпцей поестъ. Когда выйдетъ въ Успенскій Со-

боръ верхомъ къ обѣднѣ, шакъ народу, народу — яблоку негдѣ упасишь — а всѣхъ поспѣваетъ у спремени — всѣмъ онъ доступенъ и милосердивъ, кланяется на обѣхъ сторонѣхъ, рождаетъ слова ласковыя, разсыпаетъ милосердіе, общается каждому судъ и правду. Ну, право, онъ будто съ неба сошелъ примирить всѣхъ стороны и залечить всѣ раны.»

— »Дай Богъ, дай Богъ успѣху! пора отдохнуть Святой Руси — только она, словно море послѣ бури, бушуетъ при берегахъ своихъ, хопя вихорь замолкъ посрединѣ. Поляки еще въ Смоленскѣ.»

»Мы ихъ выгонимъ.»

— »Горны и де ла Гардїи держатъ Новгородъ.»

»Мы его выкупимъ.»

— »Легко сказать, Князь Степанъ: наша родина испощена золопомъ и людьми, а Поляки и Шведы не дорожатъ грабленнымъ, и вербуютъ въ свои толки всякую сволочь: прошивъ насъ Венгерцы, прошивъ насъ Шотландцы и всякая Чудь бѣлоглазая; а когда дѣло дойдетъ до грабежа, то Свейцы и Липовцы ешуютъ за одно. Глядишь, бьютъ со всѣхъ сторонъ, а помощи ни откуда; я радехонекъ,

что тебя прислали на смѣну, а то ни днемъ, ни ночью покою нѣтъ. Набѣги на окрестности безпрестанные и отъ Польскихъ и отъ Нѣмецкихъ дворянъ.... да и пущь бы ужъ драшься не драшься — съ воинами, а то все налѣпы, либо разбойники — не изъ чего рукъ мараешь: славы и добычи ни блески.»

»Гдѣ опасности, тамъ и слава. На Москвѣ же надвигаясь, какъ ты здѣсь держишься до сихъ поръ, когда самъ Псковъ въ осадѣ.«

— »Я какъ бѣльмо на глазу и Нѣмцамъ, и Шведамъ, и Липовъ — да крѣпостица — то на оспрову, стрѣльцы удалые — никто и не суется. Гдѣ добыча одно желѣзо, шуда мало охотниковъ. Да что полковаешь себя о здѣшней споронѣ: послужишь — все узнаешь. Расскажи-ка лучше, что слышно про Мишрополипа Ростовскаго Филарета, отца Государева?«

»Ждушь въ Москву. Съ вѣстью объ избраніи посланъ къ Жигимоншу Дворянинъ Оладъишъ: надѣюся, что Король согласится на разрывъ или выкупъ и на мирный предложеніе.

— »Хорошо, когда бы твоими ушами да медъ пишь. Я думаю, наши братья гуляки, чтобы

монравипсья Царской малери-инокинѣ, ше-
перь спиепєнничаютъ, ханжапъ?»

«Всего естѣ довольно. Я бы совѣпował шебѣ, дядя Наумъ, оспавипъ здѣсь половину дородспва, чшобы пивой расплунпый кушакъ и клюковныя щєки не были укоризною нинымъ великопостпнымъ лицамъ, кошорыя ужъ ни овѣпъ, ни заря собираются къ заупренѣ въ Архангельскій монастырь, вслухъ молипсья Богу, чшобы люди ихъ слышали. Впрочемъ молодой Царь хороино знаепъ, чшо прилично красному каблуку, чшо черному клобуку, и кошпъ прежнія попойки перевелись въ бесѣдахъ палашныхъ, однако онъ не прочъ оцѣ скромнаго веселья.»

— «Только Бояре до него не охотники ... не-
правда ли? да и шебя, Князь, кадачемъ бы оп-
щуда не выманили, если бъ при Дворѣ было
очень весело: мы привыкли къ шуму и раз-
домью военному — нечего грѣха таипъ —
мѣрной кубокъ не для нашихъ губокъ!»

«Чупъ, чупъ не правда: мнѣ наскучила
однообразная жиянь дворцовская, наскучило не
имѣпъ досуга, не имѣя дѣла; перелєнная па-
лашка мнѣ краше Грановищной Палаты. При-

помѣ же позвонки окрѣпли подѣ лапами — а памѣ надо имѣ гнушѣся; надо, брашѣ, уви-
вашѣся околомѣ пяпаго, десяпаго.»

— »Кѣ слову спало, Князь, кѣпо любимецѣ у
молодаго Царя? вѣдѣ нельзя же безѣ эпаго. —

То-то и бѣда Царская! возьметѣ любимца,
какѣ проспощку для забавы — посмотришѣ —
онѣ спанетѣ клюкою, шакѣ, чѣто безѣ него,
ни на шагѣ. До сихѣ порѣ на Царя нечѣго грѣ-
шинѣ — глядишѣ своими очами, слышинѣ
своимѣ ухомѣ — но, кажетѣся, вѣ эпа ухо Сол-
пыковѣ золошою серъгою вдѣваешѣся; онѣ не-
даромѣ ко всѣмѣ лисишѣ, передѣ всѣми по-
клонничаешѣ. Впрочемѣ, эпа однѣ догадки.»

— »Для меня бы эпа все было загадками;
спасибо, Князь чѣпо надоумилѣ. Тому, кѣпо
ѣдетѣ изѣ спана вѣ Царскія палашы, надо
знашѣ, гдѣ воспокѣ и гдѣ сѣверѣ, чѣобы не
заблудишѣся и не проспудишѣся; надо проѣ-
дашѣ, гдѣ живетѣ Яга-баба, гдѣ роспушѣ зо-
лошыя яблоки, гдѣ быюшѣ ключи живой воды.
У Двора и поклоны вѣ счешѣ, и слова на вѣсь
кладушѣ, когда мы не думаемѣ счишашѣ ни
ранѣ, ни ударовѣ. Какѣ ни вершишѣ, а прѣидетѣ,
брашѣ, съ соловьями пѣшѣ по соловьиному!»